

Федор Галич

День сырка

18+

Федор Галич

День сырка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70080583

SelfPub; 2023

Аннотация

Несостоявшийся российский футболист, работающий в итальянской пиццерии "за еду", становится законченным сыркоманом, способным за небольшой кусочек сыра не только пойти на преступление, но и продать душу дьяволу...

Федор Галич

День сырка

Прожив год в итальянской пиццерии, я стал замечать, что каждый мой день проходит одинаково и однообразно, но меня это не напрягало, а наоборот. Гормон счастья, вырабатываемый в моём организме сыром, превращал мой «день сурка» в «ДЕНЬ СЫРКА»! Дело в том, что хозяин пиццерии ежедневно во все блюда добавлял сыр, и я словно мышка-норушка однажды приползя на запах сыра, и свежей выпечки, «подсел» на него и остался в этой ловушке с бесплатным сыром навсегда. Я как дрессированный грызун выполнял любые команды хозяина пиццерии и вместо зарплаты получал «кусочек сыра» в виде неограниченной возможности есть этот кисломолочный продукт. В общем, работал «за еду».

Каждый мой день начинался с кусочка свежего сыра на тостик. Потом я пил кофе с сырными бутербродами и приступал к работе. Я как «Золушка» выполнял любую работу предложенную хозяином, лишь бы быть возле сыра, чувствовать его запах и ощущать вкус. Я замешивал тесто, чистил печь, мыл посуду, убирал помещения.

В обеденный перерыв я получал большую тарелку сырного супа, а в ужин – традиционную пасту с сыром. Так монотонно и одинаково счастливо протекали мои нежно-жёлтые сливочные дни.

Но однажды, мой обычный, очередной «день сырка» превратился в необычайно «чёрный день». Хозяин пиццерии уволил меня за то, что, по его мнению, я стал больше есть сыра и меньше работать.

Но я уже не мог жить без кусочка утреннего сыра. Я как сырный наркоман испытывал сырную «ломку» и каждый мой день превращался в каторгу. Я бродил по улицам в поисках любой работы, чтобы заработать себе на сыр. Но для потенциальных работодателей я казался ненормальным и странным, прося аванс в размере стоимости ста граммов сыра. И они мне отказывали.

Первый тревожный «звоночек» оповещающий меня о том, что я на грани, прозвенел в супермаркете, когда я проходил мимо полок с сыром. Соблазнительные, свеженарезанные ломтики, обтянутые полиэтиленом, кокетливо смотрели на меня сквозь прозрачную упаковку, словно голые девушки намазанные маслом. Осмотревшись по сторонам, я взял в руки первый попавшийся кусочек и, развернув его начал затапливать в рот. Закатив от удовольствия глаза, я наслаждался знакомым вкусом таявшего у меня во рту сыра. Смешиваясь со слюной, его кисломолочный вкус усиливался «бесплатностью» и медленно сползая в мой желудок, отправлял сигнал благодарности и удовлетворения в мой мозг. Но этот неожиданный и несвойственный для меня поступок не решил проблему и не насытил моё голодное тело, а лишь раздражил аппетит. И когда я случайно наткнулся на витрину швейцар-

ского молочного магазина, в которой лежали дырявые, светло-жёлтые шматки сыра, напоминающие золотые слитки в швейцарском банке, я не удержался и, разбив витрину мусорной урной стоявшей неподалёку, схватил большую головку сыра и под рёв сигнализации бросился бежать.

Сжевав его всухомятку в тёмной подворотне, я понял, что из безобидной домашней мышки, я превратился в дикую, опасную, бездомную крысу.

Вскоре во всех магазинах торгующих сыром был вывешен мой «фоторобот», а газеты запестрили шокирующими заголовками: «Итальянская сырожорка ночью проникла на молочный комбинат и надкусила всю готовую продукцию»! «Сырожадный сыроглот отнял плавленый сырок у пьющих в парке алкоголиков»!

После такой «рекламы» и пиара, расхаживать днём по улицам стало небезопасно. И я, как настоящая крыса, вынужден был уйти в «подполье».

На «охоту» я выходил по ночам. И суть её заключалась в следующем...

Возле магазинов я подкарауливал продуктовые машины и во время разгрузки выскакивал из темноты словно тень, хватал небольшую круглую, как мяч, голову сыра и убегал как профессиональный регбист на противоположную сторону дороги расталкивая перед собой встречающихся на моём пути редких прохожих. Иногда я, притворяясь слепым, чтобы в чёрных очках меня никто не узнал, заходил в ночные

фастфуды и, проходя мимо столика ничего неподозревающего посетителя, хватал с его стола «чизкейк», «чизбургер» или пиццу с сыром и молниеносно скрывался. Но однажды я оказался близко к провалу и меня едва не поймали. И виной тому стала – моя жадность.

Зайдя ночью в очередную «кафешку», я с грустью обнаружил, что в ней нет ни одного посетителя, у которого я бы мог традиционно «подкормиться». Скучающая на кассе девушка, увидев меня, заметно оживилась и радостно спросила, чего я желаю.

Своим вопросом она так мне напомнила добрую фею из сказки, что я, честно, не скрывая своих пристрастий и не ограничивая своих желаний, словно обладатель волшебной палочки, перечислил все сырсодержащие наименования их прејскуранта и попросил упаковать это всё «с собой». Аккуратно сложив всё в пакет, девушка приветливо улыбнулась и, протянув его мне, назвала итоговую сумму. Недолго думая, я схватил пакет и бросился к выходу. Но, неожиданно вошедший в кафе, чтобы перекусить, карабинер, перекрыл мне путь. Неистовые крики кассирши потянули его руку к кобуре. В состоянии отчаяния, я со всей злости врезал пакетом по карабинеру. Разлетевшаяся по всему кафе «взрывная волна» вкуснятины из пакета отбросила полицейского в одну сторону, а пистолет в другую. Схватив с пола сочный чизбургер, а не лежащий рядом с ним пистолет, я вышмыгнул в дверь.

После этого случая, власти города, взбудораженные возмущённой общественностью, решили всерьёз взяться за решение этой проблемы и на меня была организована охота и самая настоящая ТРАВЛЯ. Охранники магазинов, «копы», словно жирные «коты», устраивали засады возле витрин с сыром. Частные детективы «вынюхивали» любую информацию лишь бы напасть на мой след, а народные дружины проводили облавы в возможных местах моего пребывания и «прочёсывали» городские подвалы. На молочных комбинатах были установлены дополнительные видеокамеры, капканы и сверхновая сигнализация, реагирующая только на сырную продукцию. В общем, молочные комбинаты стали напоминать ювелирные предприятия, а сыр стали охранять как золото. Даже в продуктовые магазины сыр стали доставлять вооружённые инкассаторы!

Спешно покинув город, я решил «замести» следы, и раствориться во времени и пространстве, чтобы мои сырные «подвиги» заплесневели, поросли травой, и о них все позабыли. Пробираясь сквозь леса, поля, маленькие деревеньки, я шёл к своей единственной цели – ХРАМУ СЫРОДЕЛИЯ. Я где-то слышал, что он находится во Франции, в ста километрах от Шамони. И мне, как человеку спортивному, это расстояние не казалось таким уж и большим. Я как обретший свой истинный путь и призвание паломник, брёл в этот храм, чтобы стать монахом в этом раю и посвятить всю свою оставшуюся жизнь этому божественному продукту. По тай-

ным «козьим» тропам Монблана я пересёк границу между Италией и Францией и спустя три недели со дня моего побега из Ломбардии, голодный, холодный, в ободранной и грязной одежде, я оказался возле ворот этого храма. Какого же было моё разочарование, когда из «ворот» ко мне навстречу вышел не приветливый монах, а подтянутый секьюрити в полицейской форме, от которой пахло сыром. Он тактично объяснил мне, положив одну руку на сердце, а вторую на кобуру с пистолетом, что никакого храма здесь нет, а есть "Музей сыра" и сырный ресторан. И если я хочу пройти внутрь, я должен переодеться и купить входной билет. Своим грозным видом секьюрити-полицейский напомнил мне того карабинера из кафе, который хочет преградить мне тот долгий и трудный путь к моей мечте, который начался ещё в далёкой России...

Тогда, будучи игроком молодёжной сборной по футболу я не забил решающий пенальти в отборочном матче и наша команда лишилась путёвки на престижный международный турнир. Мяч, угодивший в перекладину, отлетел от ворот и покатился вместе с моей карьерой футболиста в противоположную от Европы сторону. Пацаны из команды стали звать меня на итальянский манер «Мазилло», а тренер посадил меня на скамейку запасных. Единственный, кто меня поддержал тогда, был вахтёр стадиона Степаныч. Он говорил, что с моими данными и с такой фамилией нужно играть в Италии, а не «пинать говно по гаражам». Мама предложи-

ла бросить спорт и поступать на экономический факультет в институт, а отец предложил сходить в армию, чтобы стать настоящим мужиком и получить нормальную профессию.

Не знаю, трезвый мне тогда говорил Степаныч про Италию или пьяный, но из этих трёх вариантов именно его варианту я и отдал предпочтение. Разбив копилку об пол вместе с надеждами об отечественном спорте, продав всё самое ненужное и взяв с собой всё самое необходимое (бутсы, гетры и спортивные трусы), я купил туристическую путёвку на пять дней и полетел в Милан. Я чувствовал себя легионером, летящим на «Ильюшиных крыльях» (самолёта Ил-96) к своему звёздному будущему.

Приземлившись в Милане мои мысли «приземлились» вместе со мной и перестав витать в воздухе осели в реальности. А заграничная реальность оказалась не такой, как описывал Степаныч.

На импровизированной встрече с представителями одного из миланских футбольных клубов, на которую мне с трудом удалось уговорить их прийти, мне пообещали, что не сообщат обо мне в полицию, но с условием, если я добровольно и без шума покину территорию стадиона и никогда их не буду больше беспокоить. Так в трусах и гетрах я и оказался на улице. Соотечественницы «лёгкого поведения» работающие на той же улице, не стали бесплатно «утешать» меня, но зато дали бесплатный совет, где можно без особого труда и без рабочей визы заработать немного денег. И если повезёт,

то и сделать неплохую карьеру. Причём речь шла не о проституции, а о неделе моды, которая проходила в эти дни в Милане и где такие красавчики как я, зарабатывают по сотне за один только выход на подиум.

К сожалению, моё появление на неделе моды произвело не меньший фурор, чем на футбольном стадионе. И напоминало пришествие радостного фаната победившей команды – в сектор трибуны злейших от поражения фанатов противника. Со своими кривыми и небритыми ногами я был там как обезьяна на балете, и явно выделялся на фоне надушенных и манерных мальчиков в обтягивающих трико. Я был «гадким утёнком» в этом «лебедином озере», где важные «птицы» смотрели на меня свысока и временами похихикивали над тем, как я не пройдя очередной кастинг, по футбольной привычке, сплёвывал от досады в сторону, как после нереализованного голевого момента. В общем, на этом празднике моды остались заносчивые «индюки» и «павлины» с распущенными хвостами, а меня с «птичьего двора» прогнали и на «корм» себе я так и не заработал.

Униженный, но не побеждённый, неся в себе тяжёлый груз из осколков разбитых карьер, я брёл по Милану, мечтая о корочке хлеба, горячем чае, тёплой ванне и мягкой постели моего туристического гостиничного номера. Но внезапно «перебежавший» мне дорогу лёгкий и удивительный запах, доносившийся из пиццерии, перевернул всю мою жизнь. Именно этот запах и указал мне тот единственный правиль-

ный путь и мою дальнейшую судьбу. Это как любовь с первого взгляда, только в моём случае – любовь с первого «взнюха»! Я забыл про всё на свете: про Родину, про футбол, про родителей, про туристическую путёвку. Один глубокий вздох превратил меня в человека без гражданства, без пола, без национальности. Я стал человеком планеты Земля, которую представлял теперь в виде огромной сырной головы. И своё вынужденное паломничество к ХРАМУ СЫРОДЕЛИЯ, я расценивал как зов свыше и свою главную миссию.

Преодолевая горный массив, я чувствовал себя полководцем Суворовым, переходящим через Альпы. И как верный своему сырному долгу «солдат», шёл только вперёд, не думая о смерти и отступлении. Летнее время года и природные щедроты этих мест гостеприимно награждали меня своими дарами, не давая мне умереть с голода. Роскошные грибы, крупные ягоды, налившиеся фрукты, безусловно, радовали не только глаз, но и желудок. Но особенно согревали мою душу пасущиеся на лугах коровы! Под упоительный звон их колокольчиков, я привязывал одну из коров к дереву, и словно дирижёр этого жвачного «оркестра», двумя поочерёдными, тоненькими струйками, словно палочками, постукивал по дну ведра, задавая темп этой молочной симфонии. Вкус парного молока насыщал мой организм, а вкус подкисшего и свернувшегося – напоминал мне сыр, и доводил меня до иступления, как собаку взявшую след и приближающуюся с каждым шагом всё ближе к цели. Это с лихвой восполняло

мои иссякшие силы и помогало бороться отчаяние. Красивейшая природа Альп, словно зелёная река, несла меня к моей сырной мечте, а я как Робинзон Крузо всматривался в голубой горизонт гор, надеясь поскорее увидеть вместо паруса – крышу «Храма Сыроделия». Мелодично журчащие горные ручьи с холодной и кристально чистой водой... Поющие райскими голосами красивые птицы... Всё это дикое и нетронутое великолепие действительно напоминало необитаемый остров. И лишь привязанное к моей сумке украденное в одной из деревушек ведёрко своим ритмичным побрякиванием выдавало присутствие цивилизации. Да и я как пролитый на картину великого художника чай или грязное пятно лишь только портил своим присутствием идеально прорисованный насыщенными красками пейзаж Альп. Опьянённый кислородом, я не помню, как добрался до вершины Монблана и, оказавшись практически на небесах среди облаков, я услышал вопрошающий меня голос:

– НУ, ВОТ ТЫ И ДОСТИГ ВЕРШИНЫ СВОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И СТОИШЬ ПЕРЕД ВРАТАМИ ХРАМА НЕБЕСНОГО! ТЫ ГОТОВ ВОЙТИ В НЕГО И ОСТАТЬСЯ НА НЕБЕСАХ? ИЛИ... ХОЧЕШЬ СПУСТИТЬСЯ ВНИЗ?

Негромко пукнув от страха и неожиданности, я упал на колени и, вытянув распростёртые вверх руки, закричал:

– Прости меня господи! Но я шёл к воротам другого храма! Моя жизнь принадлежит сыру! Я так люблю его, что готов продать душу дьяволу за то, чтобы жить с ним, любить

его, наслаждаться его вкусом и даже умереть ради него!

Сразу после моих слов, как только стих мой крик, сверкнула молния, и раздался ГРОМкий выстрел...

Очнулся я от резкой боли в животе. Сидя верхом на лежаке полицейском, охранявшем «Музей сыра», я, в состоянии аффекта, остервенело, пытался его душить за то, что он не пустил меня, оголодавшего паломника, в «ХРАМ СЫРОДЕЛИЯ». Его выпученные от испуга глаза, не моргая, смотрели на меня, а вынутый из кобуры пистолет упирался в мой живот.

После выстрела мои руки стали слабеть, а мир вокруг меня – стал темнеть. Шум и гул в ушах одновременно стал плавно затухать вместе с картинкой, как это обычно бывает в конце фильма, и когда всё погрузилось в бездну, появился светло-жёлтый титр с вырезанными из сыра буквами «КОНЕЦ».

ЭПИЛОГ

Я не помню, кем я был в прошлой жизни, но сейчас я себя чувствую совершенным существом. Самым сытым и счастливым в мире! И познавая этот мир вновь, уверенно могу утверждать, что теперь-то я точно в СВОЕЙ шкуре. Живу я отныне в этой сыроварне и купаюсь в счастье, как говорится – «как сыр в масле»! Меня окружают огромные головы сы-

ра, превышающие мой рост ВДВОЕ! Мой острый нюх притуплен стойким кисломолочным ароматом, который в моём доме никогда не выветривается, а лишь нежно обволакивает моё осознание того, что я КРЫСА. Самая настоящая, подвальная, серая крыса!